

**АНТИХРИСТИАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
И СУДЬБЫ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЕВРОПЕ 1930-Х ГОДОВ:
МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПИСЕМ ЭЛЛИСА (ЛЬВА КОБЫЛИНСКОГО)
К НИКОЛАЮ ЗАРЕЦКОМУ**

Федор Борисович Поляков

Dr. phil. habil., профессор,
заведующий кафедрой русской и восточнославянской литературы,
Институт славистики Венского университета (Вена, Австрия).
E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

**ANTI-CHRISTIAN NATIONALISM AND THE FATES
OF CULTURAL TRADITIONS IN EUROPE IN THE 1930IES:
THE EVIDENCE FROM ELLIS' (LEV KOBYLINSKII'S)
LETTERS TO NIKOLAI ZARETSKII**

Fedor B. Poljakov

Univ.-Prof. Dr., University of Vienna (Austria).

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Предчувствие скорой войны было всеобщим в Европе в 1930-е гг., и одним из таких эсхатологических свидетельств в глазах русской эмиграции оказалась книга Д. С. Мережковского «Атлантида — Европа». Однако для тех представителей русской культуры в эмиграции, которые относились к типу «русского европейца» и были связаны с русско-немецким диалогом культур, триумф национал-социалистической идеологии в Германии воспринимался как «двойная утрата». Германская ситуация казалась обусловленной выражением крайнего национализма и неоязычества и сопоставлялась с предшествующим триумфом большевизма в России, в частности, в силу своего антихристианского характера.

В статье рассматривается позиция известного поэта-символиста, переводчика и публициста Эллиса (Льва Кобылинского) по отношению к национал-социализму на материале его неизданных писем к художнику Николаю Васильевичу Зарецкому. Политическая ситуация, в которой он видел подтверждение эсхатологических воззрений Вл. Соловьева, создала условия, в которых продолжение его работ, основанных на изучении традиции немецко-русского духовного общения, оказалось невозможным. Эллис дает оценку событиям середины 1930-х гг., отмечая необходимость консолидации христианской культуры и осознания роли русского участия в европейской традиции.

The premonition of a war which would come in the near future was widespread in Europe in the 1930ies, and D. S. Merezhkovskii's "Atlantis — Europe" appeared as one sign of such eschatological evidence in the eyes of the Russian emigration. However, for those representatives of Russian culture in emigration who belonged to the type of "Russian European" and were closely associated with the Russian-German dialogue of cultures, the triumph of the national-socialist ideology in Germany was perceived as a "double loss". The German situation seemed to be caused by the expression of extreme nationalism and neo-paganism and was compared with the previous triumph of Bolshevism in Russia, in particular, because of its anti-Christian character.

The article considers the position of the symbolist poet, translator and publicist Ellis (Lev Kobylinskii) in relation to National Socialism on the basis of his unpublished letters to the artist Nikolai Vasilyevich Zaretskii. The political situation in which he saw confirmation of the eschatological views of Vl. Solov'ev, created conditions in which the continuation of his works, based on the study of the tradition of German-Russian spiritual intercourse, turned out to be impossible. Ellis assesses the events of the mid-1930s, noting the need to consolidate Christian culture and perceiving the role of Russian participation in the European tradition.

Ключевые слова: национализм в Европе, национал-социализм, фашизм, эсхатология, немецко-русский диалог культур, неоязычество, Адольф Гитлер, Дмитрий Мережковский, Федор Степун, Эллис (Лев Кобылинский).

Keywords: nationalism in Europe, national socialism, fascism, eschatology, German-Russian dialogue of cultures, neo-paganism, Adolf Hitler, Dmitrii Merezhkovskii, Fedor Stepun, Ellis (Lev Kobylinskii).

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-2-131-144

В 1930-е гг. для русской диаспоры в Европе одним из свидетельств предчувствия надвигающейся катастрофы стала книга Д. С. Мережковского «Атлантида — Европа» (Мережковский, 1930; о ее восприятии см. Протопопова, Коростелев, 2018). Писатель ранее уже обращался к трактовке современных событий (Мережковский 1921; Mereschkowskij 1921a), и круг единомышленников разделял его историософскую концепцию (Лавров, 2007; Полонский, 2008). Опыт русского изгнания наводил на размышления об определенной аналогии между ожиданием эсхатологической угрозы в Европе и представлением о возвращении тех самых разрушительных сил истории, которые полтора десятилетия тому назад способствовали гибели России и утверждению большевизма. Многолетний литературный секретарь Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, поэт и мемуарист Владимир Злобин (1894–1967) в описании апока-

липтического мироощущения Мережковского отмечал важную в контексте данной статьи деталь. Это не только возвращение памятных событий некогда пережитой катастрофы: «Все повторяется. Прошлое сквозь настоящее просвечивает, как сквозь полуистлевший саван — тело мертвеца. То, что сейчас происходит в мире — лишь повторение, в гигантском размере, того, что произошло в России» (Злобин, 1947: 125; также см. Злобин, 1970: 126; Злобин, 2004: 406), — но и ощущение новой утраты — гибели того культурного пространства, которое было обретено в годы эмиграции: «Торжество этой грубости, дикости, нечеловеческого в человеке — война. Он ее задолго предсказывает в своей книге “Атлантида — Европа”, и уже по заглавию видно, чего он от нее ждет. Но всю тяжесть двойного изгнания — двойной потери он по-настоящему начинает чувствовать в 39-ом году, когда наступает катастрофа. Россия провалилась, но был мир. И вот мир тоже провалился. Царство лжи и человекоубийства — земной ад, в котором он проведет два последние года жизни, пышным цветом расцветает на месте, где некогда была Европа — “страна святых чудес”» (Злобин, 1947: 121; также см. Злобин, 1970: 120; Злобин, 2004: 399).

Такое восприятие *двойной утраты* усугублялось в той ситуации, когда сохранение памяти русской культуры было сопряжено с русско-немецким взаимодействием или более широкой культурной парадигмой, отвергающей основанную на национализме аксиологию (условно говоря, тип «русского европейца»). Она проявляется, например, в творчестве Федора Степуна (ср. замечания В. К. Кантора, посвященные представлениям философа о большевизме и нацизме: Степун, 2013: 262–264). Большевизм и национал-социализм в условиях эмиграции могли восприниматься как идеологические системы, не противостоящие друг другу, но накладывающиеся, что приводит к искажению русско-немецких отношений в историко-культурной ретроспективе. Сходным образом тогда же, в начале 1930-х гг., Борис Поплавский оценивал губительное воздействие национализма на литературу как следствие такой интерференции (Поплавский, 2009: 495¹):

«Националист уверен, что его нация лучше всех остальных, но почему? Настоящие писатели не знали патриотической истерики и национализма, этого большевистского и фашистского подарка нашему веку. Шекспир, Сервантес, Гёте, Данте были свободны от этого. Раньше эта болезнь на короткий срок овладевала народом после выигранной или неудачной войны. Бодлер ни разу не упоминает про нацию, также Верлен, Рембо или Малларме. Национализм не совместим с религиозностью. Национальная гордыня не отличается от всякой другой. Почти вся советская поэзия — это барабанный треск, как французская литература при Наполеоне».

¹ Указано нам проф. Еленой Менегальдо (Hélène Menegaldo).

Именно в таком кризисном положении оказался и живший тогда в уединении в Локарно поэт-символист, переводчик и публицист Эллис (Лев Львович Кобылинский, 1879–1947). Как раз в год установления нового идеологического режима им было опубликовано исследование о В. А. Жуковском, в котором, в частности, подчеркивалось значение «немецкого-русского духовного единения»:

„Noch als Jungling gehörte er zur literarischen Schule Karamsins, von dem er das Gefühl der feinen seelischen Empfindung und der freien Aussprache erlernte und die richtige Auffassung übernahm, daß der wahre Patriotismus eine ernste Orientierung in den Fragen der westeuropäischen Kultur fordert. *Seine Originalität zeigt sich in dem richtigen Gefühle für die Vorzüge der deutschen Poesie und in der Erkenntnis der Notwendigkeit der deutsch-russischen geistigen Einigung*“.

[«Еще юношей он принадлежал к литературной школе Карамзина, от которого он усвоил чувство тонкого душевного восприятия и свободы выражения и воспринял правильное представление о том, что истинный патриотизм требует основательной ориентации в западноевропейской культуре. *Его оригинальность проявляется в верном ощущении преимуществ немецкой поэзии и в осознании необходимости немецко-русского духовного единения*»] (Kobilinski-Ellis, 1933: 38; курсив Эллиса).

Начиная со второй половины 1930-х гг. вопрос о способах защиты важных культурных ценностей от клейма государственной идеологии гитлеризма приобрел для германофила Эллиса характер острой необходимости. Так, рецепция Рихарда Вагнера, творчеством которого Эллис продолжал заниматься как раз в 1930-е гг., поддерживая контакты с влиятельным журналом «Bayreuther Blätter», находилась под сильнейшим влиянием национал-социалистической идеологии (см. об этом на примере упомянутого журнала: Hein 1996). Некоторые из авторов, на которых Эллис ранее ссылался в разных контекстах, например зять Вагнера Хьюстон Стюарт Чемберлен (Houston Stewart Chamberlain) или композитор Ганс Пфитцнер (Hans Pfitzner), погрузились в поток политических страстей и расового фанатизма. Напротив, самим Эллисом официальный культ Вагнера в Третьем рейхе отвергался как непродолжительный рецидив неоязыческого вторжения в культуру (Поляков, 2002: 143–144). Внешним проявлением чудовищного маскарада являлась узурпация национальных культурных символов, отмеченная, например, еще в 1934 г. в стихотворении Дон-Аминадо «Паноптикум» (Никоненко (сост.), 2004: 182):

Рвет и безумствует ветер.
С Фаустом Геббельс идет.
В бархатном черном берете
Вагнер им знак подает.

Проследим, каким образом Эллис характеризовал отношение к культурной традиции главного носителя национал-социалистической идеологии — Адольфа Гитлера. Прямое высказывание о нем содержится в письме к Дмитрию Мережковскому (1936) в контексте описанного сна Эллиса о Достоевском:

«<...> собирался написать о другом, а именно о двух мистических снах моих.

а) сон о Достоевском, который впервые мне дал ключ к нему. Чтение его сочинений и всего о нем написанного только бесило меня и терзало, ибо он не смотрел на меня из этих книг. В первый раз я встретил его в мистическом сне, лишь только я, ужаснувшись Hitler'a, стал сомневаться во всем германском. Aber Hitler ist weder deutsch¹, noch germanisch. Сейчас же является он,

б) сон, вызванный Вашей книгой "Jesus der Unbekannte"², хотя о последнем невозможно писать, необходимо рассказать. Это был вполне сознательный и реальный "сон". Я в детстве обладал способностью сновидения (мистического), которая утрачилась. За последнее время она восстановилась» (Поляков, 2002: 151).

По замечанию Даниэлы Рицци, Эллис «приписывал сну как форме визионерского познания высшей реальности громадное значение: об этом свидетельствует та тщательность, с которой он излагает и толкует свои сны в письмах к Метнеру 1911–1913 гг., и замечания в его "Записных книжках" <...>» (Rizzi, 1995: 309, прим. 8). Подобные гипнографические отсылки неоднократно встречаются в переписке Эллиса — например, описание сна во время работы над переводом Бодлера, сюжеты из московской жизни. В юбилейном 1928 г. он опубликовал рассказ о двух своих «встречах» с Львом Толстым, одна из которых представляет собой воспоминание о московском чаепитии, а другая — его сновидение (Poljakov, 2000: 171–183). В письме к М. И. Сизовой (1909) Эллис сообщал о намерении начать работу под заглавием «Тайны и таинства сна» (Нефедьев, 1999: 129, прим. 29), которая, впрочем, ни под этим, ни под другими предполагаемыми названиями не получила завершения. Говоря о прежней закрытости для него Достоевского, Эллис использует зрительный образ («он не смотрел на меня из этих книг»), который принадлежит к числу его устойчивых и давних ассоциаций, ср., например, вводное стихотворение «Stigmata» из его первого сборника (Эллис, 1911: 3; Эллис, 1996: 7):

¹ Перевод см. далее.

² «Иисус неизвестный». Mereschkowski, 1932. В связи с этой книгой Эллис называл ее автора «гениальным фантазером»: Poljakov, 2000: 42.

Кто это в сердце мне смотрит сквозь дым
взором и пламенным и золотым,
саваном лик свой окутав седым?

При первой публикации этого стихотворения под названием «I. Стигматы» (Эллис, 1909: 7) с посвящением всей подборки текстов, впоследствии снятым («Из книги „Стигматы“. Посвящается К. Ф. Крахту, ваятелю»), вслед за ним был помещен стих «II. Сон» (Эллис, 1909: 9; Эллис, 2000: 403): «Был мне ниспослан *таинственный сон*, / Пал я, потоком лучей ослеплен <...>», с выражением, инвариантным по отношению к «мистическому сну» в цитате из письма к Мережковскому. Эллисом не прояснены смысловые границы сообщения Мережковскому о снах, имевших непосредственное отношение к занятиям адресата. Однако понятно, что здесь описывается основной когнитивный механизм мышления Эллиса, и даже при зашифрованности сообщения его значимость вне сомнения. Именно в таком контексте и, вероятно, до некоторой степени неожиданно в соположении с Достоевским появляется inferнальная фигура Гитлера (ср. вполне определенное «ужаснувшись»). В описании также содержится отголосок мировоззренческого кризиса Эллиса, связанного с узурпацией германской традиции национал-социалистами. В русском тексте письма всплывает написанная по-немецки, весьма загадочная фраза: «Aber Hitler ist weder deutsch, noch germanisch» — «Но Гитлер <явление> ни немецкое, ни германское». Нам не известно, как Мережковский воспринял столь лаконичное утверждение своего корреспондента о генеалогии Гитлера, уроженца Верхней Австрии. Ключ к этому выражению следует искать, по нашему мнению, в том различии «германского» и «немецкого» элементов немецкой культуры, которым руководствовался сам Эллис.

О предпосылках усвоения такой классификации он писал своему другу, издателю и поэту Рихарду Кнису (Richard Knies, 1886–1957) 7 мая 1927 г. К категории «германского», по Эллису, относится: наследие Каролингов; «северно-руническое в его союзе с Римом» («Nord-Runisches in seinem Bunde mit Rom»); «духовное рыцарство на Рейне, христианские предания Рейна, искусство и мудрость Альберта Великого» («das geistliche Rittertum am Rhein, die christlichen Rhein-Sagen, ars et sapientia albertina»), творения Клопштока, Баха, Дюрера, Бетховена, Рюкерта, Геббея, Йордана, *P. Вагнера* (выделено Эллисом), Й. Гёрреса; позднее сюда же добавлены: романтика, Шеллинг и Фихте. Напротив, «немецкое» отличается «душевно-народным» складом («seelischvölkisch») и представлено именами Лютера, Шиллера и Гёте, причем последний, по Эллису, «создал немецкое за счет германского» («Goethe schuf das Deutsche auf Kosten des Germanischen»); «Кант представляет собой *самое*

победу немецкого интеллекта над германским духом» («Kant ist *der* Sieg des deutschen Intellekts über den germanischen Geist»).

Итак, безотносительно к тому, насколько приемлемой в своей эпистемологической основе представляется схема Эллиса, руководствуясь ею, можно реконструировать ход его мысли: если Гитлер не относится ни к той, ни к другой сфере, он исключается из последовательного ритма истории, народной и национальной традиции, оказываясь пришельцем неизвестно откуда, чужой и чуждой апокалиптической фигурой.

Открытых высказываний на темы с политической подоплекой о событиях в Германии Эллис, как правило, избегал и в письмах, и в публикациях: в 1930-е гг. цензура национал-социалистического аппарата и перлюстрация его переписки в Швейцарии способствовали росту его неприязни к дискуссиям такого рода (Поляков, 2002а: 272–273, 281–283). Тем не менее он счел нужным выразить отрицательное отношение и к итальянскому фашизму, поместив следующее весьма резкое и недвусмысленное высказывание в религиозно-философский контекст книги о Соловьеве:

“Der Weg aber vom heiligen Starez Amwrosij ... zu M. Katkow ist kaum kürzer wie der Weg vom heiligen Franziskus zu B. Mussolini, oder vom *wahren christlichen Hermetismus* zu dem modernen Pseudo-Hermetismus der verschiedenen politischen Geheimgesellschaften. Solowjew durchschaute dieses gefährliche Spiel, diese „fromme“ Nationalisierung der sieben Gaben des Heiligen Geistes”.

[«Но путь от святого старца Амвросия ... к М. Каткову едва ли короче, чем путь от св. Франциска к Б. Муссолини или от *истинного христианского герметизма* к современному псевдогерметизму различных политических тайных обществ. Соловьев разоблачил эту опасную игру, эту „благочестивую“ национализацию семи даров Святого Духа»] (Solowjew, 1929: 623; курсив Эллиса).

К моменту победы НСДАП на выборах в Германии Эллис уже более десятилетия жил в Локарно. Отдаленность места и его собственная отчужденность, кажется, только способствовали тому, что при всей ограниченности информации он мог воспринимать надвигающуюся европейскую катастрофу в рамках эсхатологического описания, данного в комментариях к Вл. Соловьеву в конце 1920-х гг.:

“Wir leben zur Zeit der Weltenende, inmitten der großen Krise des Glaubens, der Weisheit und der Kultur”.

[«Мы живем в эпоху конца света, посреди великого кризиса веры, мудрости и культуры»] (Solowjew, 1929: 596); «Monarchia Sancti Petri...», комментарии и редакция Эллиса).

Начало переписки Эллиса с художником Николаем Зарецким (1876–1959; см. о нем: Поляков, 2018) относится уже к 1933 г., времени гитлеровского триумфа. Несмотря на обилие обсуждаемых с Зарецким практических вопросов (поиски литературы о Пушкине, продажа книжного собрания Зарецкого и пр.), на протяжении ее (до 1939 г.) в письмах Эллиса встречается и немало замечаний, дающих представление о его реакции на эти и последующие события в Германии. Некоторые известия о них, как мы увидим, проникали в локарнскую идиллию помимо тех газет, которые он мог увидеть в Тессине, или во время редких поездок по другую сторону Сан-Готтардо, в Цюрихе. Ниже мы приводим сведения из писем Эллиса к Зарецкому в Прагу, касающиеся его представлений о характере эпохи, прежде всего о действующей разрушительной силе антихристианских и националистических идеологий и их рефлексах в современности¹.

В первом письме к Зарецкому (без даты, начало августа 1933 г., получено в Праге 7 августа) проскальзывает упоминание о том, что издательства в Германии, с которыми он сотрудничал, «очень страдают от ужасного финансового положения и от политических волнений» — это прежде всего относится к издательству «Matthias-Grünwald-Verlag» в Майнце, которое возглавлял Рихард Книс. В контексте упоминания о судьбе их общего знакомого, антиквара Юлия Вейцмана, принужденного в том же 1933 г. покинуть Берлин, Эллис также сообщает о своих опасениях (№ 4, дата на почтовом штампе 30.X.1933, получено в Праге 1 ноября 1933): «Точно так же я очень прошу Вас переслать мой привет симпатичному Юлию Сигизмундовичу, духовная связь моя с которым прервана течением внешних обстоятельств, грозящих прервать чуть ли не все культурные связи между национал-большевистской Германией с остальной Европой. Если это доевропейское варварство продлится, едва ли возможна будет и для меня дальнейшая работа по-немецки. Как все это безотрадно!»

Итак, уже на ранней стадии восприятия германских событий Эллисом поставлен такой знак равенства, который останется и в дальнейшем, несмотря на всю нестрогую разнообразность применяемой им терминологии. Так, осенью следующего года, стремясь помочь Зарецкому в сборе материалов и иллюстраций для его книги, Эллис писал (№ 10, письмо от 20.IX.1934):

«Я очень советую Вам обратиться к издательству Frobenius. Вы встретите в Швейцарии сочувствие и симпатию по отношению к русским эмигрантам и пражской би-

¹ Приводимые ниже цитаты восходят к оригиналам, хранящимся в фонде: New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture, Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers (за возможность их использования благодарим куратора фонда Dr. Tanya Chebotarev). Нумерация писем отсылает к подготовленному нами по этим автографам изданию.

блиотеке, как и вообще <к> Чехословацкой республике. Сейчас в Швейцарии все более и более выступает в завидной роли убежища культурных беженцев как из красной России, так и гитлериянской Германии. Я со своей стороны попробую обратиться с добыванием материалов к некоторым немецким издательствам (католическим). Однако сейчас мои связи с Германией все более и более рвутся, сводятся на минимум. Всего вероятнее добиться результатов при обращении к Bayreuth'у через редактора Bayreuther Blätter Н. von Wolzogen, которого я знаю как сотрудник этого журнала».

Упомянутое сотрудничество связано с единственной состоявшейся публикацией Эллиса в этом издании (Kobilinski, 1932). В конце года у него еще, быть может, проскальзывал проблеск надежды (№ 12, дата по почтовому штемпелю — 24.XII.1934): «Времена тяжелые, почти безвыходные! Решительно везде то же! Быть может, новый год будет лучше, легче», однако события следующего года окончательно сформировали его представления об изоморфности двух версий европейского тоталитаризма и о необходимости культурного противодействия.

1. Эллис — Николаю Зарецкому (*фрагмент письма № 16, начало мая 1935 г.*)

<...> Хорошо, что Вы снова здоровы и работаете. Последнее всего важнее именно во времена темные, критические, как сейчас.

Необходимо работать до конца, для немногих, для готовых в свою очередь работать и стать выше мертвенной бездуховности окружающего. Поддержим друг друга братски, бескорыстно и твердо! Ведь нас немного, ведь две бездны (слева — большевизм, справа национализм) разверзлись с обеих сторон, и в них не только политика и социальный вопрос, но и «глубины сатанинские»¹.

Они грозят в целом религии и культуре, вере и свободе, правде и личности.

Если сейчас все искренне верующее и все свободно мыслящие не соединятся в один всеевропейский фронт, забыв все пререкания, то все погибло. Это так ясно! Безбожие и соблазн ложного равенства и творения хлебов и камней — с одной стороны²; язычество и соблазн ложного избранничества и жажда господства — с другой!

Общевропейский протест против германского милитаризма, становящегося фанатической лжерелигией, затрудняется большевистским сотрудничеством. Идею единства нарушается. Поэтому необходимо подлинное единство Европы и настоящей России. Для меня очевидно, что Россия имеет великое будущее только как единство «св. Руси» и России духовной. Здесь В. Соловьев и А. Пушкин первые! Духовная Россия создана А. Пушкиным, В. Соловьев связал ее с «св. Русью» на вселенской почве, ибо путь Пушкина был универ-

¹ «Глубины сатанинские» — ср. От. 2:24.

² Советская утопия описывается посредством отсылки к рассказу об искушении Иисуса Христа в пустыне: Мф. 4:3.

сален при высшей народности. Не знаю, удалось ли мне в моей работе о Пушкине достаточно обосновать мои мысли и убеждения. Я был очень рад сочувствию Ник. Ан. <sic> Лосского. Жду Вашего отзыва по существу, а также что скажет А. Л. Бём!¹

Катастрофа новой войны все неизбежнее, однако она может быть отложена на десятилетия, если и не преодолена. Все дело в единстве всех добрых сил.

Сейчас Рим резко выступает против гитлеризма. Неизбежно столкновение католицизма и неоязычества в Германии. Оно должно привести к духовному возрождению ужасно овнешненный немецкий католицизм, связать его с другими католическими народами и возрожденным православием. Это может ослабить опасный, мощный немецкий национализм и задержать развитие русских подражаний ему.

Немецкие беженцы сообщают ужасные вещи, замалчиваемые рабской немецкой «прессой». Это — система инквизиции и варварства.

Тайно совершаются зверства и мучительства. Националистический чекизм не отстает от коммунистического. Известный писатель Dr. F. Gerlich (прежний редактор „Neueste Münch[e]ner Nachrichten“), автор замечательной работы о Терезе Нейман (из Коннерсрейта), выступивший в прессе против Гитлера и его шайки, замучен в тюрьме². Ему удалось сообщить все перед смертью одному товарищу по тюрьме, который бежал за границу. Дело это достоверно.

Gerlich был бит, лишен зрения, измучен и уже в тюрьме (не опасный врагам) убит. Необходимо распространять достоверные сведения. Я слышал здесь от очевидцев, лиц, заслуживающих доверия, возмутительные вещи. Это — большевизм справа! Необходимо активное противодействие! Что делать? <...>

2. Эллис — Николаю Зарецкому (фрагмент письма № 17, получено 4.XI.1935)

<...> Что сказал бы Тургенев о «новой» Германии? Ведь погибло все, что тогда тянуло его и всех его друзей к Германии. Возможно, конечно, что и этот национализм провалится, но создастся ли новое, ценное? Нет! того, что было в Германии Геттингена, Йены, Веймара, Кенигсберга и Байрета никогда уже <не> будет. Очевидно, Германия Бисмарка исказила великую традицию немецкой истинной культуры, столь благотворно повлиявшую на нашу культуру. Я лично глубоко связан с этой линией. Ведь Антонский, воспитатель Жуковского, мой прямой предок, и все семейные традиции мои того же порядка³. Часто я

¹ Речь идет о подготовке к печати книги Эллиса о Пушкине (Поляков, 2002а).

² Эллис следил за дискуссиями в католических кругах Германии, возникшими в связи с культовым почитанием баварской крестьянки Терезы Нойман (Therese Neumann / Resl von Konnersreuth, 1898–1962); см. подробнее: Poljakov, 2000: 42–43; Поляков, 2002b: 558–559.

³ Упомянут известный деятель российского просвещения Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–1848), директор Благородного университетского пансиона, ректор Московского университета. В этом пансионе в 1797–1800 гг. учился В. А. Жуковский. По сведениям Е. А. Глуховской, восстановившей генеалогическое древо Кобылинских, это столь значимое указание Эллиса пока прямо не подтверждается и требует дальнейших исследований. Тем не менее подчеркнем, что данная ссылка дополняет собственную мифопоэтическую мозаику Эллиса по отношению к Жуковскому и своему отцу Льву Поливанову, автору (под псевдонимом П. Загарин) исследования о поэте.

прихожу в отчаяние от варварства и грубости новой Германии. Ведь эта катастрофа гибельна и для нас. Ведь мы не можем отвернуться от Запада, не впадв в опасность национализма, этой первопричины русской катастрофы. Где же истинный Запад? Рим и вся Италия сейчас безнадежно фашистичны. Католицизм бессилён против националистов. Языческий Рим восстал во всей своей жадности. Конечно, необходим союз всех подлинно-вселенских церковных людей и всех духовно-творческих людей культуры (гуманистов духа)! *Но его пока еще нет! <...>*».

Еще более определенные представления о национал-социализме Эллис получил несколько позднее благодаря рассказам своего знакомого, композитора Лукаса Мариа Валентина (Lucas Maria Valentin, 1907–1986), который, пройдя через тюремное заключение и допросы гестапо в Берлине, вырвался в 1937 г. в Швейцарию (Poljakov, 1996). Отвечая на новогодние поздравления Зарецкого, Эллис писал ему 1 января 1937 г. (№ 21): «Настроение в общем и здесь у нас очень грустное, почти безнадежное. Выхода из испанского конфликта невозможно предугадать. Возможно возникновение мировой драмы на испанской почве в виду стечения там добровольцев обеих сторон. Швейцария также энергично вооружается. Будущее совершенно темно. Один взрыв — и вся Европа в огне».

В июле 1938 г. ему еще представлялось, что «тяжелы[e] последни[e] времена Чехословакии <...> сейчас, слава Богу улучшаются» (№ 25), а в последнем письме к Зарецкому (№ 26, 30.01.1939) Эллис отмечал, что «[в] конце сентября 1938 казалось, что все Европа превращается в гибнущий Титаник. Кривая вывезла, а сейчас снова все шатается». Наступила череда лет, сделавших невозможным публикацию готовых к тому времени поэтических, историко-литературных книг и переводов Эллиса — свидетельство его «двойной утраты».

И хотя судьба избавила Эллиса от непосредственного опыта выживания в одной из двух сфер предвоенного идеологического диктата, он оказался в состоянии понять их схожесть и специфику, антихристианскую направленность и неоязыческий пафос, подчеркивая как необходимость интерконфессионального духовного сопротивления, так и действенность русской составляющей в пределах европейской христианской культурной традиции.

Литература

- Злобин В. А. (1947). Как они умерли // Орион. Литературный альманах под редакцией Юрия Одарченко, Владимира Смоленского и Анатолия Шайкевича. Paris. С. 118–135.
- Злобин В. А. (1970). Тяжелая душа (Посмертное издание). Washington: Русское книжное дело в США / Victor Kamkin.
- Злобин В. А. (2004). Тяжелая душа. Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. Составление, примечания Т. Ф. Прокопова. М.: Интелвак.
- Лавров А. В. (2007). История как мистерия. Египетская диалогия Д. С. Мережковского // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда. С. 440–454.
- Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А. (1921). Царство Антихриста. München: Drei Masken Verlag [reprint: Нью-Йорк: Орфей, 1982].
- Мережковский Д. С. (1930). Тайна Запада. Атлантида — Европа. Белград: Палата Акад. Наука (Русская библиотека, 17) [репринт: Атлантида — Европа: тайна Запада. М.: Русская книга, 1992].
- Нефедьев Г. В. (1999). Русский символизм: от спиритизма к антропософии. Два документа к биографии Элліса // Новое литературное обозрение. № 39. С. 119–140.
- Никоненко С. С. (2004). Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 33. Дон Аминадо. М.: Эксмо.
- Полонский В. В. (2008). Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М.: Наука.
- Поляков Ф. (2002). Письма Элліса к Дмитрию Мережковскому и Вячеславу Иванову. Вступление и комментарии Федора Полякова. Подготовка текста Андрея Шишкина // Archivio italo-russo II, a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Università di Salerno. С. 141–167.
- Поляков Ф. Б. (2002а). Утраченная книга Элліса о Пушкине (по материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.) // Диаспора. Новые материалы. Вып. II. С.-Петербург: Феникс. С. 269–290.
- Поляков Ф. Б. (2002б). Вячеслав Иванов в неопубликованном эпистолярном наследии Элліса 1920–1930-х годов: аспекты постсимволистской культуры в эмиграции // Сергей Аверинцев, Роземарие Циглер (ред.), Вячеслав Иванов и его время. Frankfurt am Main 2002. С. 547–560.
- Поляков Ф. Б. (2018). Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. / N.S. Bd. 6. С. 236–265.
- Поплавский Б. Ю. (2009). Собрание сочинений в трех томах. Составление, комментарии, подготовка текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. Том третий: Статьи, дневники, письма. М.: Книжица. Русский Путь. Согласие.
- Протопопова (Журбина) А. В., Коростелев О. А. (2018). «Атлантида» Мережковского: источники и рецепция // Д. С. Мережковский: Писатель — критик — мыслитель. Сборник статей. М.: Дмитрий Сечин / Литфакт. С. 269–284.

- Степун Ф. А. (2013). Письма / Сост. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН.
- Эллис (1909). Из книги «Стигматы» // Весы. № 9. С. 7–16.
- Эллис (1911). Stigmata. Книга стихов. М., Мусагет.
- Эллис (1996). Стихотворения. Томск: Водолей.
- Эллис (2000). Неизданное и несобранное / Сост., подготовка текста, библиограф. справки А. В. Лаврова, Г. В. Нефедьева, С. Н. Мироненко. Томск: Водолей.
- Rizzi D. [Рицци Д.] (1995). Из архива Н. А. Тургеневой. Письма Эллиса, А. Белого и А. А. Тургеневой // Europa Orientalis. Vol. 14/2. С. 295–340.
- Hein Annette (1996). „Es ist viel ‚Hitler‘ in Wagner“. Rassismus und antisemitische Deutschtumsideologie in den *Bayreuther Blättern* (1878 bis 1938). Tübingen: Niemeyer.
- Kobilinski L. (Ellis) (1932). Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit // *Bayreuther Blätter* Nr. 1, S. 21–28; Nr. 2, S. 94–108.
- Kobilinski-Ellis L. (1933). W.A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Mereschkowskij D., Gippius Z., Philossofow D., Slobin W. (1921a). Das Reich des Antichrist. Rußland und der Bolschewismus. München: Drei Masken Verlag.
- Mereschkowski D.S. (1932). Jesus der Unbekannte. Leipzig-Zürich: Grethlein.
- Poljakov F.B. (1996). Eine Tessiner Freundschaft: Der Exildichter Leo Kobylinskij-Ellis und der Komponist Lucas Maria Valentin // Peter Brang, Carsten Goehrke, Robin Kemball, Heinrich Rigggenbach (Hg.), Bild und Begegnung. Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel-Frankfurt am Main: Helbing & Lichtenhahn. S. 405–415.
- Poljakov F.B. (2000). Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Ellis im Tessiner Exil. Forschungen — Texte — Kommentare. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, N.F., Reihe A, 29).
- Solowjew Wladimir (1929). Monarchia Sancti Petri. Die kirchliche Monarchie des heiligen Petrus als freie und universelle Theokratie im Lichte der Weisheit. Aus den Hauptwerken von Wladimir Solowjew systematisch gesammelt, übersetzt und erklärt durch L. Kobilinski-Ellis. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag.

References

- Ellis (1909). Iz knigi „Stigmaty“ // Vesy. No. 9. P. 7–16.
- Ellis (1911). Stigmata. Kniga stikhov. Moscow: Musaget.
- Ellis (1996). Stikhotvoreniiia. Tomsk: Vodolei.
- Ellis (2000). Neizdannoe i nesobrannoe / Sost., podgotovka teksta, bibl. spravki A. V. Lavrova, G. V. Nefed'eva, S. N. Mironenko. Tomsk: Vodolei.

- Lavrov A.V. (2000 / 2007). Istoriia kak misterii. Egipetskaia dilogiia D. S. Merezhkovskogo // A.V. Lavrov. Russkie simvolisty: etiudiv i razyskaniia. Moscow: Progress-Pleiada. P. 440–454.
- Merezhkovskij D. S., Gippius Z. N., Filosofov D. V., Zlobin V. A. (1921). Carstvo Antikhrista. München: Drei Masken Verlag [reprint: New York: Orfej, 1982].
- Merezhkovskij D.S. (1930). Taina Zapada. Atlantida — Evropa. Beograd: Palata Akad. Nauka (Russkaia biblioteka, 17) [reprint: Atlantida — Evropa: taina Zapada. Moscow: Russkaia kniga, 1992].
- Nefed'ev G.V. (1999). Russkij simvolizm: ot spiritizma k antroposofii. Dva dokumenta k biografii Ellisa // Novoe literaturnoe obozrenie. No. 39. P. 119–140.
- Nikonenko S. S. (sost.) (2004). Antologiiia satiry i iumora Rossii XX veka. T. 33. Don Aminado. Moscow: EKSMO.
- Poljakov F. B. (2002). Pis'ma Ellisa k Dmitriiu Merezhkovskomu i Vyacheslavu Ivanovu. Vstuplenie i kommentarii Fedora Poljakova. Podgotovka teksta Andreiia Shishkina // Archivio italo-russo II, a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno: Università di Salerno. P. 141–167.
- Poljakov F. B. (2002a). Utrachennaia kniga Ellisa o Pushkine (po materialam neizdannoi perepiski 1934–1937 gg.) // Diaspora. Novye materaily. Vyp. II. St. Peterburg: Feniks. P. 269–290.
- Poljakov F. B. (2002b). Vyacheslav Ivanov v neopublikovannom epistoliiarnom nasledii Ellisa 1920–1930-kh godov: aspekty postsimvolistskoi kul'tury v emigratsii // Sergei Averintsev, Rosemarie Ziegler (red.), Vyacheslav Ivanov i ego vremia. Frankfurt am Main 2002. P. 547–560.
- Poljakov F. B. (2018). Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaia Zaretskogo // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. / N.S. Bd. 6. P. 236–265.
- Polonskii V.V. (2008). Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka. Moscow: Nauka.
- Poplavskii B. Ju. (2009). Sobranie sochinenii v trekh tomakh. Sostavlenie, kommentarii, podgotovka teksta A. N. Bogoslovskogo, E. Menegaldo. Tom tretii: Stat'i, dnevniki, pis'ma. Moscow: Knizhitsa. Russkii Put'. Soglasie.
- Protopopova (Zhurbina) A. V., Korostelev O. A. (2018). „Atlantida“ Merezhkovskogo: istochniki i retseptsiia // D.S. Merezhkovskij: Pisatel' — kritik — myslitel'. Sbornik statei. Moscow: Dmitrii Sechin / Litfakt. P. 269–284.
- Rizzi D. (1995). Iz arkhiva N. A. Turgenevoi. Pis'ma Ellisa, A. Belogo i A. A. Turgenevoi // Europa Orientalis. Vol. 14/2. P. 295–340.
- Stepun F. (2013). Pis'ma / Sost. V.K. Kantora. Moscow: ROSSPEN.
- Zlobin Vladimir (1947). Kak oni umerli // Orion. Literaturnyi al'manakh pod redaktsiei Iuriiia Odarchenko, Vladimira Smolenskogo i Anatoliiia Shajkevicha. Paris. P. 118–135.
- Zlobin Vladimir (1970). Tiazhelaia dusha (Posmertnoe izdanie). Washington: Russkoe knizhnoe delo v SShA / Victor Kamkin.
- Zlobin V.A. (2004). Tiazhelaia dusha. Literaturnyi dnevnik. Vospominaniia. Stat'i. Stikhotvoreniia. Sostavlenie, primechaniia T. F. Prokopova. Moscow: Intelvak.